

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ ЛЕЙБНИЦА И ВОЛЬФА В ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ

С.Н. Корсаков

ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва

В статье рассматриваются основные идеи Лейбница о принципах организации Академии наук в Петербурге. Показано, какие идеи Лейбница и его последователя Христиана Вольфа повлияли на императора Петра Первого и были реализованы в структуре Петербургской академии наук. Прослежены изменения статуса и роли философии в Петербургской академии наук на протяжении XVIII в.

Ключевые слова: *Просвещение, Петербургская академия наук, Лейбниц, Петр Первый, Христиан Вольф, философия.*

Лейбниц – гениальный мыслитель и благородный человек, вдохновлявшийся стремлением к просвещению всех людей, независимо от их национальности, – навсегда памятен России как инициатор создания Академии наук в Петербурге.

Возымев счастливую мысль о «водворении наук в России» и угадав в Петре Великом государя, который сможет воплотить сей дерзновенный замысел, Лейбниц настойчиво добивался его принятия на протяжении двадцати лет, вплоть до самой своей смерти. Настойчивость гения была вознаграждена, ибо он не ошибся в главном: намерениях и характере русского царя. «Я с малолетства любил науки, занимался ими и имел счастье сделать разные очень важные открытия, – писал Лейбниц царю Петру. – Я не находил только могущественного государя, который достаточно интересовался бы этим. Надеюсь, что нашёл такового в Вашем Величестве» [2, с. 702]. В концепции «просвещённого монарха – покровителя наук» нет и теперь ничего антикварного. Расцвет или упадок наук во многом определяется тем, каковы те, кто принимают решения в государстве, способны ли они прислушаться к мудрым советам, понять благо своей страны и поставить его выше личных выгод. «Привлечь на свою сторону ум одного человека, подобного этому царю, и направить его к истинному благу, вдохнув в него подлинное рвение во славу Божию и во имя усовершенствования человека, – означает сделать больше, нежели выиграть сотню сражений, ведь от воли такого человека зависят многие миллионы других людей», – писал Лейбниц [2, с. 601]. Лейбниц понял натуру Петра, зная о нём понаслышке, задолго до личного знакомства с ним. Он понял главное: этот царь не только «составляет и приводит в исполнение планы, о которых не смел и думать ни один из его предшественников, он даже идёт далее, чем требуют нужды его собственной страны» [2, с. 591].

Лейбниц тщательно собирал сведения о России. Он заочно был полон веры не только в «богатырские намерения» Петра, но и в способность русского

народа осуществить модернизацию страны. Лейбница не останавливали мнения бывавших в России иностранцев, будто «московский народ совершенно неспособен к изысканию подобных диковинок, ибо он не прилагает ни малейшего труда ни к чему, что не пахнет деньгами или не представляет явной пользы» [2, с. 581]. Из Ганновера Лейбниц видел Россию яснее, чем знатные путешественники в самой Москве. В конфликте России и Швеции Лейбниц не принял сторону Карла XII, сочтя, что бессмысленный милитаризм этого монарха не послужит делу цивилизации. Как сегодня сказанные, звучат слова академика В.И. Герье о Лейбнице: «Он убедился, что европейское образование проникнет на Восток только тогда, когда её рассадником сделается Россия, и с этих пор он возложил все свои надежды на Петра. В этом отношении Лейбниц может послужить примером для западных людей. Со времени Лейбница и по настоящие дни на Западе больше занимаются опасениями насчёт возрастающего могущества России, чем интересуются её успехами в образовании и цивилизации, хотя с этими успехами так тесно связаны и общечеловеческие интересы» [2, с. 640].

Принципиальное отличие планов Лейбница по созданию академических учреждений в России от намерений его современников и коллег – западных учёных, философов и богословов, – в том, что Лейбница вдохновляли чистые интересы науки, возможность распространить её свет. Большинство же коллег Лейбница по Берлинской академии были озабочены распространением своего вероисповедания на российские земли, на русский народ. Академия эта специально обсуждала, какие меры к тому нужно предпринять. Лейбниц остудил пыл своих коллег, сказав им, что не следует в дело науки вмешивать религию: в увещеваниях этот государь и русские вообще не нуждаются. В этой принципиальной позиции – ещё одна причина глубокой признательности, которую испытывает Россия и русский народ к Лейбницу.

В тогдашнем девственном состоянии русского образования Лейбниц усматривал не недостаток, а преимущество для реализации своих планов. Он сразу же оценил возможности, которые предоставит для реформатора системы образования эта *tabula rasa*. Для Петра же создание Академии наук было такой же осуществлённой на практике авантюрой, как и все его проекты. Он не остановился перед внедрением высшей формы организации научной жизни в стране, где не было даже всеобщего начального образования. И осуществил свой замысел, благодаря непреклонной политической воле, которая использует всю мощь государства.

В записке о введении образования в России, которую Лейбниц в 1708 г. передал через русского посланника в Вене, говорилось, «что эта держава, будучи как бы неисписанною доской и не успев усвоить чужие заблуждения, обладает великим преимуществом, так как сможет избежать наших ошибок, кои незаметно и постепенно копились в Европе» [4, с. 12]. Гениальность Лейбница как мыслителя и организатора науки и Петра как политика и государственного деятеля в данном вопросе проявилась в том, что ими была избрана для внедрения в России самая прогрессивная из существовавших на тот момент в Европе форма организации научных исследований. Выбор этот имел решающее значение для темпов последующего развития науки и философии в России. Были три возможных варианта, с каждым из которых Лейбниц был хорошо знаком. Первый – это университет. В то время университеты в Европе в наибольшей

степени оставались хранителями схоластических традиций. Второй – это академии ренессансного типа: своего рода аристократические клубы, в которые допускались и собственно учёные. Наконец третий – Академия как профессиональное сообщество по типу Лондонского королевского общества. Лейбниц сам был членом, а иногда и организатором таких научных обществ. Поэтому он предлагал царю перенять лучшую из существовавших форм организации науки.

Будь на месте Петра другой правитель, также настроенный на реформы, но не столь радикальный по методам, например, старший брат его Фёдор, либо сестра Софья с князем Василием Голицыным, российское образование и науки начали бы развиваться по первому или второму вариантам, как более реалистичным. В результате вместе с формами организации образования и науки были бы переняты и те их стороны, которые к началу XVIII в. уже были устаревшими. Трудность воплощения третьего варианта – Академии наук – заключалась в том, что Академию приходилось бы возводить сверху вниз как воздушный замок, не имеющий под собой опоры. Сознывая эту трудность, Лейбниц предлагал в своём проекте создавать сразу единую трёхступенчатую систему: гимназия – университет – Академия. Именно так и было сделано при учреждении Академии наук в Петербурге. Сделано, несмотря на сопряжённые с этим трудности. Ведь первое время приходилось не только профессоров Академии приглашать из-за границы, но и просить их привозить с собой студентов для академического университета, а потому в течение ряда лет среди студентов не было ни одного русского [1, с. 16]. Лейбниц предвидел эти трудности и в своём проекте советовал посылать русских юношей учиться за границу, а также надеяться на то, что приглашённые в Россию учёные воспитают себе смену из русских людей, которые вырастут «в отличных учёных, и даже лучше, чем где-либо в Европе» [2, с. 761]. Русские стремительно осваивали чужой опыт, отличались высочайшей работоспособностью и широтой преобразовательных планов. Вот так «волею судеб “неорганичный” проект Академии оказался в наибольшей степени реализованным» [5, с. 148].

В той же записке царю от 1708 г. Лейбниц выдвигает ещё одну замечательную мысль, имевшую большие последствия. Академия, или же иной орган, руководящий наукой, должен быть устроен по типу коллегии. Лейбниц пишет: «...необходимо для этой цели учредить коллегию, облечённую властью и авторитетом, от которой зависели бы начальные и высшие школы, корпус учёных, книгоиздательство, типографии, переводы и цензурование книг» [4, с. 14]. Примерно так и были определены впоследствии полномочия Академии наук в Петербурге.

Во время их последнего свидания в 1716 г. Лейбниц составил для Петра специальную записку об учреждении системы государственного управления Россией в виде коллегий, среди которых им была вновь названа и учёная коллегия. Не будем входить в дискуссию о том, подал ли Лейбниц эту мысль первым, или же он, как принятый на русскую службу советник, которому было поручено представлять свои соображения о реформировании русского законодательства, подготовил обоснование идеи, уже утвердившейся в уме Петра. Важно то, что в 1717 г. Петр действительно заменил систему приказов коллегиями. Среди них ещё не было *учёной коллегии*. Но когда была учреждена Петербургская академия наук, она также была организована как коллегия. Не будем преувеличивать степень коллегияльности в работе этих коллегий. Конеч-

но, все они, в том числе и Академия наук, были придворными учреждениями. Однако же высшим органом Академии была академическая конференция. Коллегии были заменены в России министерствами в 1802 г. Академия просуществовала как самоуправляющаяся организация до 2013 г. Отказ от принципа академического самоуправления привёл к многочисленным кризисным процессам в российской науке, которые приходится наблюдать.

По сути, Лейбниц, выдвинув идею учёной коллегии в ряду других государственных учреждений, заложил гарантии сохранения Академии наук в России на столетие вперёд. Удивительно, что Академия наук была учреждена Петром. Но ещё более удивительно, что её не закрыли преемники Петра в целях «оптимизации» государственного бюджета. Её спасало то, что она по своим принципам организации была встроена в ту систему управления страной, которую создал Пётр. Лейбниц же предложил Петру ввести эту новую систему с тем, чтобы среди прочих коллегий в ней была также и учёная коллегия.

По принятии в 1712 г. на русскую службу Лейбниц не только составил целый ряд ценнейших записок для царя. Он искал в Европе сведущих людей, которых можно было бы пригласить в Россию для научных занятий. Лейбниц выражал готовность лично возглавить дело создания Академии наук в Петербурге, оставив ради этого все свои службы в Европе. Кончина Лейбница не дала реализоваться этой возможности. Симптоматично, однако, в каком направлении планировал Лейбниц свою деятельность для России. Он говорил о своём желании составить для русских общую энциклопедию наук, иначе говоря, «квинтэссенцию» наук на русском языке, «которая во многих отношениях превосходила бы всё, что в этом роде существует на других языках» [2, с. 728]. Энциклопедию эту Лейбниц мыслил строить по систематическому принципу, снабдив алфавитным указателем для удобства. В последней записке для царя в 1716 г. Лейбниц изложил перечень дисциплин, которые должны изучать в Академии и преподавать в университете. В начале списка идут философские дисциплины в том виде, в каком они понимались в немецкой рационалистической традиции того времени: естественная теология, учение о душе, логика, этика. Идеи Лейбница о структуре философского и научного знания были восприняты и систематизированы Х. Вольфом и реализованы в структуре Петербургской академии наук.

Лейбниц «положил основание славной традиции “признания” России крупными деятелями культуры Западной Европы, и в этом заключалась одна из незабываемых его заслуг перед русским народом» [10, с. 132].

После смерти Лейбница Пётр обрёл достойного ему преемника в Христиане Вольфе. Пётр неоднократно приглашал Вольфа в Россию. Если бы не смерть Петра, возможно, Вольф и решился бы возглавить работу по организации Академии наук в Петербурге. Вольф был избран первым иностранным почётным членом Академии и регулярно сотрудничал с ней. Самый известный эпизод этого сотрудничества связан со стажировкой у Вольфа в Марбурге студента академического университета Ломоносова. Многие из тех, кто был избран членами Академии, были рекомендованы Вольфом.

В любом случае Вольф та личность, без обращения к которой нельзя составить себе представление о постановке изучения философии в Петербургской академии наук в первые десятилетия её существования. Если спросить, как тогда понималась философия в Петербургской АН, то наиболее верным

будет ответ: *так же, как в системе Вольфа*. Преемственность Вольфа по отношению к Лейбницу заключается, прежде всего в том, что Вольф предложил решение задачи, поставленной Лейбницем: систематически изложить науку. Система Вольфа идеально соответствовала эпохе додисциплинарного естествознания. Тогда грань между наукой и философией не только не была проведена, но отдельные науки входили как составные части в общую систему знания, которая, по сути, отождествлялась с философией. «Вольф с самого начала понимал философию как науку» [8, с. 23]. Философия – совокупность знаний о мире; в качестве разделов низшего порядка в неё включены эмпирические науки, подобные физике или химии. Задача философии – служить фундаментом других наук, формулировать надёжные принципы, доставлять методы постижения истинного знания [3, с. 132]. В системе Вольфа все составные части её были скреплены единым логико-геометрическим методом. Научный характер философии засвидетельствован дедуктивным характером этого метода.

Система Вольфа делится на теоретическую и практическую части, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на рациональный и эмпирический уровни [9, с. 19]. Рациональный уровень представляет собой дедуктивно-демонстративную совокупность априорных понятий. Эмпирический уровень составляет опытное знание, имеющее прикладной характер. Это – сфера частных наук (например, физики). Существенно, что результаты, полученные этими науками, заведомо не могут противоречить принципам и понятиям рационального уровня и служат им лишь в качестве иллюстраций. «Все рациональные науки имеют своим предметом определённое, взятое во всеобщности, а эмпирические науки имеют отношение только к реальному, т.е. к конечному» [8, с. 70]. Вверху рационального уровня располагается собственно философия. Конкретнее, высший уровень теоретической части системы Вольфа составляет метафизика. Метафизика включает в себя отдельные философские дисциплины: онтологию, учение о душе, рациональную космологию и естественную теологию. Физика, к примеру, будет эмпирической частью рациональной космологии. Высший уровень практической части системы также философский: естественное право, философия морали и учение о государстве. Эмпирической частью философии морали будет прикладная этика.

Понятие члена Академии появилось несколько позже, в академическом регламенте 1747 г. Пока же в составе Академии были профессора, так как члены Академии вели занятия в созданных при ней гимназии и университете. Профессора занимали те или иные кафедры. При организации Петербургской академии наук в её составе были предусмотрены две философские кафедры – в соответствии с учением Вольфа о теоретическом и практическом знании. Одна – это кафедра логики и метафизики, вторая – кафедра нравоучительной философии и политики. Первым профессором кафедры логики и метафизики стал Г.Б. Бильфингер, непосредственный ученик Вольфа [9, с. 210]. Вторую философскую кафедру возглавил ученик Бильфингера Х.Ф. Гросс, читавший студентам академического университета этику и естественное право по Пуфендорфу. Среди студентов, слушавших лекции Гросса, был знаменитый русский поэт и дипломат Антиох Кантемир.

Философия Вольфа всецело соответствовала идеалам Просвещения. Будучи системой абсолютного рационализма, система Вольфа занимала в интеллектуальной жизни Германии того времени среднее положение между схо-

ластикой и пиетизмом, мистикой. Поэтому выбор этой системы в качестве идейной основы для изучения и преподавания нельзя не признать для Петербургской академии наук наилучшим в тех условиях. Академия, а с нею и академический университет, были, по существу, изначально избавлены от богословской проблематики. Последняя, если и затрагивалась, то в рамках естественной теологии, без принижения роли разума [8, с. 133]. Что не охраняло, конечно, Академию от трений с православным Святейшим Синодом [11, с. 37]. Во всяком случае, рациональная доминанта Академии способствовала постепенному формированию соответствующей социокультурной среды. «Зарождающаяся профессиональная светская культура России требовала дисциплинирующего методологического принципа и формирования рационалистического мировоззрения, противостоящего религиозному мистицизму и национальной культурной архаике. Результатом этого процесса явилась способность русской интеллектуальной элиты воспринять более радикальные идеи английского и французского Просвещения» [8, с. 137].

К середине XVIII в. влияние вольфианства в Европе сходит на нет. В России сочинения Вольфа ещё переводят. Философ-вольфианец И.Г.С. Формей избирается иностранным почётным членом Академии. Правда, философская кафедра в Академии осталась только одна и называлась теперь просто кафедрой философии. Во второй половине XVIII – начале XIX в. европейская наука, составной частью которой была Петербургская АН, приобретает форму дисциплинарной организации. Ситуация принципиально изменилась. Прошло то время, когда в науке поощрялся энциклопедизм, санкционированный вольфовской философией, а «физика и метафизика не были разделены» в практике работы Академии [1, с. 25]. «Ряд событий второй половины XVIII века сделал менее значительным традиционный курс логики и метафизики» в академическом университете [1, с. 28]. Формирование дисциплинарного естествознания привело к тому, что самостоятельное существование философских кафедр Академии стало излишним. После смерти в 1768 г. профессора философии академика И.А. Брауна философская кафедра осталась незамещённой, и прекратилось избрание штатных членов Академии по философским специальностям.

Вместе с тем среди иностранных членов Академии, избранных во второй половине XVIII в., довольно много философов. Разумеется, эти философы проявили себя и в других областях знания, но многие из них всё же были философами по преимуществу. В чём причина подобного несоответствия? В том, что процесс дифференциации научных дисциплин привёл к выделению самой философии в качестве особой дисциплины. В Европе в отличие от России философия уже была развитой самостоятельной областью знания. Академики Петербургской АН, коими были, преимущественно, иностранцы, осознавали себя тогда не в качестве русских учёных, а как члены европейского научного сообщества. Поэтому они считали честью избрать в свой коллектив тех, чьи работы получили известность в Европе. Сопутствующим тому фактором были пропагандистские интересы Екатерины II. При ней иностранными членами Петербургской АН были избраны Д'Аламбер, Дидро, Кондорсе, Гольбах.

В течение нескольких десятилетий в России в академическом университете и гимназии велось преподавание философских дисциплин. Существенно, что, несмотря на магистральную вольфианскую ориентацию, профессора Петербургской академии «дополняли и исправляли» философию Вольфа, где

считали нужным, как, например, это делал И.А. Браун, а также привлекали философские идеи и концепции Лейбница, Декарта, Локка. Поэтому изначально изучение и преподавание философии в России носило «плюралистический, разноосновный, эклектический» характер [6, с. 69].

Благодаря Академии наук и университету при ней в России «начался процесс» становления профессиональной философии «не только как сферы теоретического творчества профессуры, но и как предмета теории» [6, с. 66]. Но с последней трети XVIII в., процесс этот затормозился. В России к тому времени ещё не сложилось главное условие самостоятельного существования философии, а именно «социальная и культурная среда, для которой была бы насущна философская компонента жизни» [7, с. 125]. Руководство Академии наук не стремилось проявлять активность в развитии философии, поскольку на многих примерах обнаруживалось, что при самодержавной власти и господстве духовной цензуры философские занятия означали в итоге «политическую неблагонадёжность» [12, с. 38]. Светская культурная среда ещё только формировалась «на протяжении XVIII века, и сложилась полностью к первой трети следующего столетия». Пока этот процесс шёл, европейская светская философия бытовала в России как «маргинальная линия, как элемент эрудиции или предмет критики», а потому спорадически появлявшиеся философские тексты русских авторов носили «комментаторский характер».

Следует различать значение, которое имел для развития философии в России сам факт существования Академии наук и влияние, которое сознательно оказывалось Академией на развитие философии. Если первое можно констатировать с момента создания Академии в 1725 г., то о втором можно говорить приблизительно с 40-х гг. XX в. В XIX – начале XX в. статус философии в системе Петербургской АН определялся положением, которое занимала философия в русском обществе и в системе высшего образования. Какой-то самостоятельной линии, которая бы оказывала влияние на развитие философии, Академия не проводила. Поэтому значение Академии для развития философии носило опосредованный характер. Роль Академии в развитии философии сводилась к абсорбированию тех явлений и процессов культурной и образовательной жизни страны, в которых философия сумела закрепиться прочно. Академия тем самым как бы санкционировала присутствие философии.

Список литературы

1. Артемьева Т.В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1999. 182 с.
2. Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
3. Жучков В.А. Предыстория немецкой классической философии: дисс.... д-ра. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 1994. 468 с.
4. Лейбниц Г.В. «Чтоб науки и искусства в вящий цвет произошли...» // Химия и жизнь. 1975. № 10. С. 11–17.
5. Г.В. Лейбниц и Россия. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1996. 223 с.

6. Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. СПб.: РХГИ, 2003. 919 с.
7. Солонин Ю.Н. Философия и политический контекст её бытия // Вестн. Рос. филос. общества. 2005. № 4. С. 123–131.
8. Христиан Вольф и русское вольфианство. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. 393 с.
9. Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2001. 400 с.
10. Чучмарёв В.И. Г.В. Лейбниц и русская культура. М.: Высшая школа, 1968. 48 с.
11. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.
12. Яковенко Б.В. История русской философии. М.: Республика, 2003. 510 с.

THE EMBODIMENT OF THE IDEAS OF LEIBNIZ AND WOLF IN THE PRINCIPLES OF THE ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES AND THE ROLE OF PHILOSOPHY

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy of RAS, Moscow

The article discusses the main ideas of Leibniz on the organizing principles of the Academy of Sciences in St. Petersburg. It reveals the ideas of Leibniz and his follower Christian Wolf that influenced Emperor Peter the Great and were implemented in the structure of the St. Petersburg Academy of Sciences. Changes in the status and role of philosophy in the St. Petersburg Academy of Sciences during the XVIII century are traced.

Keywords: *Education, St. Petersburg Academy of Sciences, Leibniz, Peter the Great, Christian wolf, philosophy.*

Об авторе:

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Authors information:

KORSAKOV Sergey Nikolaevich – PhD, Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Philosophy of RAS, Moscow. E-mail: snkorsakov@yandex.ru